

Екатерина Костина
Дневник Личности

Екатерина Костина

Дневник Личности

«Издательские решения»

Костина Е.

Дневник Личности / Е. Костина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905282-7

Маша — личность. Это понятно всем, но мало кто знает, что происходит у нее в голове, когда она молчит. Екатерина Костина предлагает заглянуть в глубины человеческого сознания. Вы узнаете, какие мысли посещают молодую женщину, что скрывается за привлекательной внешностью. Какие загадки сводят ее с ума и что берedit душу. Эта книга для тех, кто хочет понять человеческую природу, кто ищет смыслы и ответы на свои вопросы. Для тех, кому интересно, что здесь вообще происходит?

ISBN 978-5-44-905282-7

© Костина Е.

© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Ноябрь 2014	9
Декабрь 2014	13
Январь 2015	17
Февраль 2015	23
Март 2015	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дневник Личности

Екатерина Костина

© Екатерина Костина, 2019

ISBN 978-5-4490-5282-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Мы делаем друг друга. Мы ткём полотно личности ближнего упреками и принятием, любовью и обидами, открытостью и сдержанностью.

Я благодарю свою семью, своих друзей и партнеров за понимание, помощь и поддержку, которую они мне оказывают.

Я благодарю каждого, кто был в моей жизни и отразился в ней.

Я благодарю тебя, Максим Буренков, за искренность, любовь и доверие. Без тебя я была бы другой и эта книга не состоялась.

Пролог

Пусть каждый день для вас станет инсайтом

Маша вернулась домой. Она вошла в большую светлую спальню, площадью около тридцати квадратных метров и вспомнила малюсенькую квартирку, в которой она и ее семья ютились еще пять лет назад. Шестнадцать квадратных метров на троих сыновей и семь – для нее и мужа. Кухня была настолько миниатюрна, что обеденный стол мог принять не больше двух человек, поэтому кому-то из ее детей всегда приходилось есть возле раковины. А она в это время мечтала о большом доме с гостиной и столовой.

Маша села в кресло и обвела взглядом пространство, сделанное только под нее. Теперь не нужно было искать компромиссы и мечтать о каком-то недостижимом будущем, где она сможет жить в тех условиях, цветах и фактурах, в которых ей, Маше, будет комфортно.

Муж был не против, когда она попросила выделить в новом доме, который он начал строить, большую комнату для нее. Ее личное пространство – теперь оно у нее есть. Еще есть большая терраса, где она по утрам пьет свою чашку кофе и иногда делает гимнастику, и просторная ванная комната – также находящаяся только в ее распоряжении.

Все-таки мечты сбываются. Она убедилась в этом не раз. И стоило ведь это так немного: просто захотеть. Очень сильно захотеть.

Маша зашла в ванную и включила воду – хотелось полежать в горячей воде.

Она была глубоким интровертом. Не все, правда, в это верили, потому что в знакомой обстановке она становилась очень общительной, искрилась юмором и зажигала не хуже других. Однако, это никак не противоречило ее природе. Главное было иметь возможность скрыться в недрах своего пространства и восстанавливать внутреннюю энергию из тишины. Именно поэтому ей позарез нужно было свое отдельное, даже от мужа, помещение.

Открыв небольшой бар в «банкетном» углу своего жилища, она откупорила шампанское и налила бокал. Как же хорошо! Теперь она не боялась, что все это мимолетно. Она была уверена в том, что заслужила жить по своим правилам, в своем ритме и пространстве. Она много сделала для этого.

Было трудно, иногда невыносимо трудно. Она с ужасом вспоминала 2010 год, когда муж строил их первый дом, а она одна с тремя детьми, старшему из которых было всего 5 лет, задыхалась в Москве. Как сдавали нервы у них обоих, потому что не было возможности взять передышку, а дети день и ночь были на их плечах. Как она спорила с мамой, пытаясь отстоять свое право жить по собственному сценарию. Как падала духом, когда не хватало денег.

Много чего было. И единственное, что позволило ей не сдаться – это понимание, что горести временные, а радости вечные. Это ее кредо. Так она понимает жизнь.

Маша зажгла свечи, разделась и легла в ванну. В дверь постучали:

– Можно? – в дверях показался муж.

– Конечно, заходи. Как дети?

– Нормально, забрал их из школы, спрашивали, приехала ты или нет, – Глеб сел на край ванны и опустил руку в воду.

– Приехала, – Маша улыбнулась.

– Я им уже сообщил. Ты ужинать будешь?

– Конечно, сейчас полежу чуть-чуть и спущусь.

– Ладно, приходи. Через час садимся.

Когда-то она точно так же лежала в ванне, пытаясь спрятаться от детей и отдохнуть, но ей это не удавалось – ванная была совмещена с туалетом и сей факт сводил все попытки на нет.

Да, пожалуй, самым правильным решением был переезд за город. Это был прорыв. Именно тогда она смогла посмотреть на себя со стороны. Этот переезд стал точкой обнуления. Если в городе она чувствовала себя одной из заезженных мамаш, которой все сочувствуют из-за ее многодетности, то после переезда она вдруг поняла, что нет, она другая. Она свободная как это небо, она чистая как этот воздух, она сильная как этот дуб, она может все, как стихия, наполняющая каждый атом окружающего ее мира.

Тогда они потеряли многое – комфорт города, заработок в магазине, который Маша открыла в 2010 году, но обрели гораздо больше – себя. Они скинули с себя шелуху чужих мнений, образ жизни толпы, заезженное мышление. Пройдя через очень непростую стадию обнуления, они нашли себя – настоящих.

Теперь они не просто живут в своем доме, теперь каждый имеет все необходимое, чтобы быть здоровыми, развиваться и идти вперед. И это их победа.

Когда-то она вела дневник. «Немного необычный, – заметила подруга, когда Маша поделилась своими записями. – Издать не хочешь?»

– А где он, интересно?

Много еще вещей она не успела распаковать – сразу после переезда нужно было улетать на конференцию, а доверить это она никому не могла.

Маша накинула халат и вышла из ванной.

– Ну, где же ты, родной? – заглядывая в одну коробку за другой, она наконец обнаружила то, что искала: сто пятьдесят листов печатного текста сложенных в розовую папку с надписью «1 Съезд многодетных семей города Москвы».

Маша вспомнила, как по ночам, когда вся семья уже спала, она строчила на клавиатуре все новые и новые истории то ли выдуманных, то ли наоборот, самых что ни на есть реальных персонажей – тех, кто жил в ее голове, действовал, спорил, ругался, веселился, был ее частью. Ее, Машиной, личностью.

Ноябрь 2014

– Я так больше не могу! Уберите ее от меня! – Мозг в истерике метался по комнате. – Ну это же невыносимо!

– Умничка, что случилось? – Люба подошла к брату и обняла его.

– А-а, это он с мамой пообщался, – заметил Илья, – такая реакция только на нее может быть.

– Что, опять тебя придурком назвала? – усмехнулся Веселый.

– Ну что ты, Ум, уже б смирился давно, – попытался утешить брата Фил.

– Знаешь что, дорогая сестра, избавь меня, пожалуйста, от этого! Сегодня после долгой и нудной лекции о том, как правильно нужно жить, я услышал, что я беспросветный болван и ни на что не гожусь, – Умника все еще трясло. – Вас, кстати, тоже поминала.

– Веселый, метни харчи на стол, видишь, человеку плохо! Сейчас, Мозг, поедем, жизнь наладится. Хочешь, 50 грамм для снятия стресса? – Илье всегда казалось, что любая проблема отступит, если хорошенько и вкусно поесть.

И действительно, усевшись за стол и вкусив первую ложку вкуснейшего наваристого борща со сметанкой, Мозгу полегчало. «Ну и что, что кричит, ну и что, что гнобит. К черту! Главное, что здесь меня любят и ценят».

– Любась, ты вот скажи мне откровенно, – откинувшись на стул, начал Умник, – почему ты не стала видным деятелем?

– В смысле? – не поняла, но в глубине души уже догадывалась, о чем будет разговор, Люба.

– Почему ты не стала делать карьеру, добиваться успехов, мой потенциал не использовала на полную катушку?

– Ха-ха-ха, – засмеялся Веселый – Мозг, ты себя слышишь? Или может тебе напомнить, как ты себя вел во время учебы в школе и в институте? Совсем память отшибло?

– Да ладно, не гогочи, – отрезала веселого брата Люба. – Знаешь, Ум, где-то в глубине души это был осознанный выбор. Ну, как бы я это так почувствовала.

– Ни фиги себе! Люб, у тебя совесть есть? То есть ты намеренно оставила меня в дураках? – Мозг начал заводиться.

– Эй, Умник, потише здесь, – возмутился Философ, – ты на Любку не наезжай, лучше послушай ее, да внимательно.

– Умничка, вот скажи, что такое карьера?

– Карьера – это последовательное успешное развитие в определенной области, с соответствующим этому развитию денежным и иным материальным вознаграждением. Как-то так.

– Вот именно! В определенной области! То есть остальное бесчисленное количество областей, которые не менее интересны, остаются «за кадром». Может тебе и кажется, что ты лишен этого «развития», то только потому, что большинство окружающих тебя людей идут именно этим путем. Нам бы всем, – Люба обвела взглядом братьев, – было слишком тесно в столь узком пространстве. На самом деле, ты всегда развивался. Только не так стандартно, как это происходит у всех.

– Ну, давай, порадуй брата, – Мозг сложил руки на груди и скептически посмотрел на Любу.

– В детстве, когда ты научился читать, тебя невозможно было оторвать от книг. Ты перечитал за время учебы в школе всю домашнюю библиотеку, Детскую Городскую, и начал осваивать Областную, присовокупим сюда Большую Советскую Энциклопедию, которая во всей своей красе стояла у нас дома. Одно но: классику ты не читал. А если точнее, то очень сильно избирательно. Здесь, видимо, постарался Фил.

Люба вопросительно посмотрела на Философа.

– Ну да. Сложно было представить, что школьник способен понять всю глубину произведений Толстого или Гоголя. Всему свое время.

– Поэтому, в общем-то, тройка была более чем достаточной оценкой по литературе.

– А как же мое замечательное выпускное сочинение?

– На свободную тему? – улыбнулась Люба. – «Тема красоты в произведениях классиков»? Или как там она звучала?

– Ну, да, по произведению Заболоцкого «Некрасивая девочка». Я еще там четверостишие присовокупил после полного анализа стихотворения, – мечтательно затыкнул Умник.

– Да, Ум, не оценили твоих стараний, – рассмеялась Люба.

– А вот почему, интересно?

– Мы этого никогда не узнаем. Да и какая разница? Школьный курс литературы ты больше чем на тройку не знал.

– И что дальше?

– Дальше был институт. Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь с уверенностью скажет, что ты хотел быть строителем, но из-за того, что математика была твоим коньком, выбора особенно не было. Профессия достаточно реальная, хоть и не очень популярная в то время. Тем легче было поступить.

– А почему ты тогда меня не напрягала?

– Уж не знаю, Умник, моя ли ошибка в этом была или так благосклонно сложились звезды, но я очень трепетно отношусь к окружающим нас людям. И знания ты черпал исключительно у тех людей, у которых черпать их было интересно не только с профессиональной точки зрения, но и по жизни.

– Ага, ты вспомни, Ум, препода по вышке! – Веселый, как и Люба, ностальгировал по студенчеству с удовольствием. – Заходит ОНО – невысокое угловатое существо, с черными грязными волосами, одетое во все черное, с черным рюкзаком через левое плечо и, не глядя на аудиторию, поворачивается к доске и начинает что-то бурчать себе под нос.

– Да, Анна Александровна. Я десять лет не мог вспомнить ее имя, а вот, само всплыло, – заулыбался Ум.

– Какие тут знания, о чем ты? Однако, вспомни, пять баллов по строительной механике, которая, кстати, была продолжением курса сопромата. Вот ты тогда удивлялся как, оказывается, все просто и сколько денег можно было сэкономить. И дело лишь было в качественном преподавателе. Потом товарищ Берлин, который вел строительство ГЭС и который таки заставил тебя полюбить гидрологию. Помнишь, как ты на ночь читал учебник и тебе формулы казались какими-то фантастическими персонажами, появившимися в результате любви кого-то с кем-то. А ведь это все из-за того, что тебе было с ним интересно общаться. Он рассказывал, как они с молодой женой ездили строить ГЭС в Сибирь, как жили в бараках, как там же родили дочку, о чем разговаривали с друзьями у костра, о чем мечтали... Одно здание, в котором ты учился – особняк Мусина-Пушкина на Разгуляе чего стоило! Жаль, что институт теперь оттуда съехал.

– Но ведь после законного тройка на дипломе я больше не учился.

– Не учился? – засмеялась Люба. – Наверное, не учился. Ты познавал. Причем настолько себе в удовольствие, что даже этого не замечал. И до тройка, и после.

– Как это?

– Ну, например, общага. Книги тебе там уже, конечно, читать некогда было. Зато сколько интересных персонажей, которых ни в одной книге не найти. Красота, раздолье для изучения! Напротив семья беженцев из Нагорного Карабаха. Слева парень из Северной Осетии, дальше маргиналы, потом русско-армянская семья. Ребята из Дагестана, выше этажом работы с Украины и Молдавии, дальше по этажу наши студенты и студентки. Их характеры, уклад

жизни, вероисповедание, привычки, желания – все на виду. И все общались, вместе пили, дружили. Что б ругались, не помню. А когда за мной залетный дагестанец с ножом по этажу бегал за то, что я его на три буквы послала, весь коридор высыпал на защиту. А тетя Валя, которая зарабатывала тем, что пекла пироги на общей кухне. Первое, что ты делал, возвращаясь из института – варил кофе и с сигареткой шел на кухню потрепаться с ней. Она рассказывала о своей жизни: как ее распределили в Москву, а мужа в Ереван и она поехала за ним. А все ее однокурсники, которые остались в Москве, получили квартиры. Потом они с семьей были вынуждены вернуться в Москву и теперь им приходилось ютиться на 18 м² общаги с туалетом в конце коридора с двумя разнополыми взрослыми детьми, – Люба задумалась. – Вот она, цепочка: решения, их последствия, судьба... Много было интересных людей, много интересных судеб!

– Да-а, тогда я почти всему и научился, все-таки общага – это концентрированный мир, особенно такая необычная, как была наша, – Мозг стал отходить. В конце концов, жизнь действительно удивительно прекрасна и бесконечно интересна, несмотря на то, что многим так не кажется, – кстати, умение решать, казалось бы, не решаемые задачи тоже оттуда.

– Это ты про 15 ватманов диплома за две ночи? – смеялись уже все. – Насосная станция на реке Чермянке вдоль, поперек, сверху, снизу, в разрезе и в деталях. Лягушку препарировать легче!

– Кстати, Ум, скажи, что тебе больше в жизни пригодилось – умение решать поставленные задачи в короткий срок или курс высшей математики? – вопрошал Фил.

– Скорее первое...

– Во-о-от. Теперь давай вспоминать, что было после. Потом ты работал. Как водится в офисе, как водится, менеджером. Через два года хорошо стал зарабатывать. Но! Как ты работал, помнишь?

– Да хорошо работал. Вон, Веселого спроси. Постоянно смеялись.

– Смеялись-то, смеялись, я не про это. В низкий сезон, когда хоть волком вой, что ты читал?

– А-а-а, точно! Как-то я сел читать какую-то книжечку художественную...

– И не смог. Потому что ты уже перерос это. И понеслось – «Жизнь после жизни», «Диагностика кармы» – отвратительное название, но довольно увлекательное открытие психосоматики в замесе с религией. «Не рычите на собаку», «Искусство быть счастливым» – беседы Далай Ламы с американским психотерапевтом, «10 привычек высокоэффективных людей», «Теория решения изобретательских задач» да чего там только не было! Все, что попадалось под руку, что можно было заказать на Озоне. Вся социология, психология, политология, тогда же тебя реально заинтересовала и религия.

– А вот теперь, только теперь, дорогой наш брат! – Философ подошел к Мозгу и, потечески положил руки ему на плечи. – Теперь ты дорос до классики!

– Да ладно, Фил, Анну Каренину я прочитал пятнадцать лет назад!

– А осмыслил когда?

– А осмыслил недавно, – согласился Ум.

– Я это к чему? Если сейчас перед тобой поставить любую задачу – спроектировать дом, ГЭС, мост, дорогу, заняться сельским хозяйством или животноводством, составить презентацию по любой теме, высказать свое мнение о проблемах политики или экономики, объяснить ту или иную точку зрения и доказать, что ты прав – ты справишься! Потому что а) ты многое знаешь; б) то, что не знаешь – найдешь; в) как уже сказано, умеешь решать в срок нерешаемые задачи; ну, и г) мы с Филом всегда поможем.

– Любка, по-моему, ты меня переоцениваешь, – Мозг испуганно глянул на сестру.

– Ум, хоть и доказывать твоя prerogative, я тебе докажу, что я права. Ты помнишь, как тебе нужно было сдавать курсовую по начерталке? Тема – перспектива. Помнишь, как ты ее сделал?

– Да, сел перед листом ватмана...

– И?

– И начертил.

– А ты знал, как это делать?

– Нет, – тут до Мозга, наконец-то, начало доходить.

– Иногда, братишка, ты непроходимый тупица, – улыбнулась Люба. – Когда ты принес этот лист и показал профессору, он с большим изумлением изучал то тебя, то лист. Потому что ты сделал эту перспективу способом, который он не только не преподавал, но и которым не пользовались уже несколько десятилетий! Ты его изобрел! За вечер!

Умник медленно втягивал информацию. Он уже успел забыть об этом случае и наконец, его прорвало:

– Да! Я крутой! Yes!!! Ух ты!!! Давай, Веселый, наливай!

Братья рассмеялись. Все встало на свои места.

– О, нет, Мозг, ты не крутой, ты болван! – сквозь смех изрек Философ. – Крутой изобретает что-то новое, а ты изобрел то, что уже много лет никому не нужно!

– Но и это не все, Умничка. Я никогда не знала и, кстати, до сих пор не знаю, какая именно профессия была бы нам под стать. Поэтому еще до института была попытка поступить в Школу милиции, но тогда Илюша подкачал.

Илья стыдливо понурил голову.

– Не расстраивайся, Илюх, Бог отвел. Потом, когда тебя, дурака, выгнали из института на втором курсе, я попыталась взять учебу в свои руки и поступить в ГИТИС. Тоже не сложилось. Так что то, что есть, то наше.

– Но почему у нас нет любимого дела, в котором можно развиваться из года в год? Почему мы не зарабатываем этим деньги?

– Это не мой каприз. Любое дело, за которое ты брался, очень быстро становилось скучным. Любое. Мы с Филом долго смотрели на это и, в конце концов, поняли, что единственное, что тебе действительно интересно изучать и в чем развиваться – это сама Жизнь. Это занятие тебе никогда не надоедало.

– А как же семья, дети?

– Здесь ты попал в совершенно незнакомые и очень далекие от твоих познаний измерения. Тем интереснее. Но об этом давай уж как-нибудь потом.

– Ура, товарищи! – провозгласил Философ – Веселый, наливай уже, Мозг сегодня гуляет!

– И прошу тебя, Умничка, – наклонилась Люба к брату, – будь терпим к нашей мамочке – у нее свой жизненный опыт и свой взгляд на мир. А в следующий раз бери с собой Фила, он тебе поможет.

Декабрь 2014

– Ребята, что-то плохо мне, – Любе пришлось опереться на подоконник.
– Что, Любань? – испуганно запричитал Веселый. – Пойдем отсюда!
– Ну да, пойдем, а работать кто будет? – Мозг был строг, как первый учитель.
– Люб, держись за меня. Сейчас, закончим и свалим, – Илюша подставил Любе плечо и они продолжили свое ожидание.

В департамент строительства Любу привела работа. Все, что требовалось, это перед проходной встретиться с девушкой. Вся история должна была занять не более 10 минут. Так и случилось. Но вдруг произошел какой-то сбой.

Любе по роду своей деятельности приходилось бывать в разных местах столицы самой большой страны мира. Мэрия, департаменты, управы, особняки, офисы, квартиры, рестораны. В самом центре и в беспросветных трущобах. Она видела богатство, бедность, снобизм, радушие, доброту, гнев, и множество других проявлений жизни людей. На первый взгляд, работа была не высококвалифицированной, но Любе она нравилась. Здесь было все: красоты ландшафта и архитектуры для Любы, испытания выносливости для Ильи, изучение географии города и планировки квартир для Мозга, разноликие люди и их жизни для Фила. Весельчак, как правило, скучал, но бывало, когда всех четверых одновременно клинило, он был в ударе.

Когда все они, наконец, вышли из департамента, Мозг не мог не заметить машины, которые были припаркованы тут же: Крайслер, Ламборгини, про всякие новые модели немцев и говорить не стоит.

– Ух, слава Богу, что-то первый раз со мной такое, – Люба пыталась осмыслить, что стало причиной ее недомогания. – Ум, ты не знаешь, что со мной было?

Мозг перевел взгляд на Любу. Они медленно спускались по переулку.

– На первый взгляд все просто. Они – богатые, успешные, в норковых шубах и на дорогих машинах; ты – пешая, просто одетая, приносящая.

– Но, Умник, сколько раз уже так было, никогда это не становилось причиной дурного самочувствия!

– Здесь, Любка, департамент строительства! Чувствуешь подвох?

– Ну и что? Ты считаешь, что именно это меня задело?

– Нет, конечно, просто тут все сошлось: и профессия, и их успешность, и девушка, с которой ты встречалась.

– Да-да. По-моему, дело именно в девушке.

– Красивая, да? – Мозг заулыбался.

– Ум, она нереальная какая-то: молодая, стройная, красиво и дорого одета, зубы – сплошной фарфор, а на лицо даже муха не сядет – поскользнется.

– Лю-люб, ты что, завидуешь? – Философ с беспокойством посмотрел на сестру.

– Не должна, – нерешительно ответила Люба, – я с этим миром богатства и лоска знакома не понаслышке – цена слишком высокая там взимается.

– Ну да, – немного успокоился Фил, – а может, ты стареешь? Вернее, тебе кажется, что ты стареешь.

Философу было неловко произносить эти слова, но душевный комфорт сестры был куда важнее. Он знал, что если Люба поставит перед Умником какую-либо задачу, тот ее решит и задействует для этого все внутренние ресурсы семьи.

– Давайте разложим все по полочкам, – Ум был в своей стихии. – Ты хотела бы там работать?

– Нет, я не хочу сидеть на одном месте целыми днями. Пусть за это даже хорошо платят.

– А если предположить, что ты после института туда попала и уже стала бы начальником какого-то отдела?

– Возможно, но что за человек бы я была? Приличный человек в таком заведении на высокой должности в нашей стране долго не продержится – его сожрут.

– Хорошо. Ты хотела бы быть как эта девушка?

– Носить норковую шубу?

– Вообще иметь все, что она имеет: молодость, зубы, лицо, ту же шубу.

– Вообще-то я не стара. Стать вновь юной желания нет, потому что в том возрасте еще очень много проблем и тягот впереди. Да и ее юность условна, возможно, она моложе меня лет на шесть-семь, не больше. Про шубу могу сказать, что счастливее с ней точно не стану. Лицо... его красота тоже не идеальна, да и много я красивых девчонок видела, не впечатляло как-то. Ладно, пойдем на Красную площадь сходим.

Люба с братьями вышла на Тверскую. Департамент строительства находился в одном квартале от сердца Москвы, и когда работа была в центре города, они старались прогуляться по окрестностям. В этот раз им повезло – и время позволяло, и погода была солнечная и морозная. Дойдя до Красной Площади, Люба с огорчением обнаружила, что Спасская Башня закрыта на реставрацию, а открытый каток загораживает всю перспективу. Ну что ж, окрестности были не менее красивыми. Обычно она спускалась с Красной площади за Храм Василия Блаженного и шла по Варварке, наслаждаясь красотой древних зданий и мощью не менее древних подпорных стен. Иногда заходила внутрь малюсенькой, вросшей в землю церкви 17-го века и, вдыхая запах свечей и ладана, просила Бога о чем-то.

К сожалению, находясь даже в столь исторических местах, Люба не могла уловить дух того времени. Его перебивали непрестанно снующие дорогие машины и блеск роскоши Гостиного двора. Но так или иначе, места здесь замечательные. В этот раз объективные препятствия к Варварке не располагали, и Люба с братьями, не доходя до ГУМа, свернула на Никольскую улицу, которая, наконец, стала пешеходной. И с удовольствием, не торопясь побрела мимо Казанского собора, Знаменского монастыря и других домов замечательной архитектуры, раздумывая о том, что же так сильно ее задело в злополучном департаменте.

– Люб, – Философ нарушил тишину, – а ты боишься старости?

– Нет, Фил, не боюсь.

– Почему?

– Странный вопрос, из серии «за что ты меня любишь?». А чего ее бояться?

– Обычно женщины бояться старости. Сколько людей, особенно женщин я спрашивал, не припомню, что б кто-то хотел стареть.

– Ну, Фил, хотеть стареть и бояться старости разные вещи. Конечно, я не хочу стареть! Вся фишка в том, что я знаю, как не стареть, – Люба улыбнулась Философу.

– Это ты о чем?

– А ты у Мозга спроси, что такое старость?

– Старость – это замедление всех процессов жизнедеятельности, – услышал их разговор Умник.

– А теперь ты, Философ, ответь мне, в чем смысл жизни человека? Для чего человеку нужны эти самые процессы?

– Я много литературы поднял по этому вопросу. Мне всегда было интересно как люди, причем люди как связанные, так и не связанные с религией, отвечают на него.

– И что же?

– Воцерковленные, глубоко верующие люди говорят, что смысл жизни в служении людям и Богу. Если честно мне это понять сложно.

– Ну а что ж тут сложного, Фил? Служить людям – это хотя бы им не гадить. А по-хорошему, делать добро. И речь тут не о милостыне в метро, а реальная помощь, которая,

возможно, даже не измеряется физической материей. Иногда достаточно улыбнуться, что кому-то стало чуть легче. Иногда сказать доброе слово. Советов люди не любят, поэтому я предпочитаю задавать наводящие вопросы. Мне давно стало понятно, что 50% грамотного решения проблемы в качественно поставленном вопросе.

– Ну а как же служить Богу? В церковь ходить каждый день?

– В церковь – это хорошо. Очень хорошо. Но у меня есть небольшая проблема с этим.

– Тебе там становится плохо? – Мозг с интересом посмотрел на Любу. – Я слышал, что многим в церкви становится плохо. То ли от запаха, то ли от духоты.

– Нет, Мозг, – Люба рассмеялась, – не плохо, наоборот, мне там становится так хорошо, что уходить не хочется. И чем чаще я хожу в церковь, тем сильнее не хочется. А уходить надо – жить, грешить, детей растить. Покуда они маленькие, остаться мне никак нельзя.

– А другие, так сказать, светские люди, что говорят о смысле жизни? – Умника не на шутку заинтересовала тема разговора.

– Тут сколько людей, столько и мнений, – начал Философ. – Для кого-то смысл жизни в карьере, для кого-то в семье, кто-то считает, что смысл жизни в творчестве. Как-то все мелко, по-житейски. Но еще лет десять назад, Люб, помнишь? Я наткнулся на мнение, которое, по крайней мере, до сей поры, вошло в гармонию со мной.

– И что же это за формулировка?

– Мозг, это у тебя формулировки, а у меня частные мнения, не претендующие на звание истины, – Философ вздохнул и покачал головой. – Там было написано, что смысл жизни в том, что бы развиваться и любить.

– И все? – Мозг от удивления чуть не споткнулся.

– И все, – подтвердил Философ.

– И правда, – Люба оживилась, – в этих двух словах заключена вся жизнь! Подумай, Ум, развитие и любовь!

– Развитие и любовь... Развитие и любовь... – Мозг пробовал на вкус эти слова, он пытался проникнуть в их суть, – и это все?

– Да все-все, успокойся, – Люба погладила брата по голове. – А теперь, Фил, посмотри на это объемно. Пока каждый из вас развивается, то есть тренируется, замедление процессов, старение происходит крайне медленно. Илья тренирует тело, Умник тренирует мозг, ты развиваешь душу, Веселый находит причины для смеха и веселья...

– А ты любишь?

– Да, а я люблю. Вот и весь секрет не стареть. Кстати, помнишь как у Гете:

*Изволь: есть средство избавленья
Без чар, без денег, без леченья.
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей над плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалеи.
Питайся просто, в скромной доле
Живи как скот среди скотов.
И там, где жил ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне, в этом весь секрет
Помолодеть хоть в восемьдесят лет.*

– Да, уж, знакомое произведение.

– Ничего себе! Как скот среди скотов! Я не согласен! – воскликнул Умник.

Мозг был очень ранимым, когда речь заходила о его свободе.

– Ну как простолюдин среди простолюдинов, если тебе так легче будет. Не выпендривайся, короче.

– И ум мой ограничивать не надо!

– Да ладно. Это, чтобы ты не переусердствовал и в психушку не загремел.

– Да. Есть, правда, один нюанс, про который даже знающие эту тайну люди, забывают, – Любаня подмигнула Филу.

– Выкладывай.

– Как солнце если не встает, то садится; как день если не увеличивается, то уменьшается; так и человек если не развивается, то деградирует. И здесь без исключений.

Люба с братьями дошли до скрытого от глаз хода, в который если нырнуть, окажешься прямо у метро.

– Ладно, поехали домой.

Они свернули за угол.

– Любань, – оживился всю дорогу молчавший Илья, – а может на каток?

– Правильно, Илюш! – Люба засмеялась звонким счастливым смехом, – на каток!

Январь 2015

– И что это было? – Умник выглядел растерянным.

– Это Россия, детка. Ты еще не привык?

Люба с братьями вышли из психоневрологического диспансера. Нет-нет, болен никто не был. Просто нужна была справка для младшего сына, чтобы он мог продолжить свое обучение в специальном логопедическом саду.

– Что, Умничка, ты в очередной раз оказался в тупике? – Люба улыбнулась.

– Люб, это чудо с серьгой в губе была врач? – Мозг никак не мог прийти в себя. – Зараза, и я должен ее слушать, а еще чего доброго, слушаться?

– Не парься, Мозг, давай, пойдем еще поприкалываемся. Ну, уматная телка же! – Веселому в этот раз повезло.

Молодая, лет тридцати девушка, урожденная одной из северокавказских республик, так и не избавившись от характерного акцента, была величественна на своем важнейшем посту детского врача-психиатра. Ее вопросы, обращенные к Любе по поводу сына, звучали томно-снисходительно. И только нервное постукивание кончиков пальцев по столу выдавало в ней живого человека. Да, серьга в уголке рта у нее действительно была. Видимо, это должно было быть красиво, но выглядело, как протест строгим нравам ее исторической родины.

– В детстве массаж мальчику делали? – задала она свой первый профессиональный вопрос.

– Я не помню, двоим из троих детей делали, а кому именно не скажу, – ответила Люба, – посмотрите, пожалуйста, в карте.

Карта действительно лежала перед глазами врача и могла избавить оппонентов от ненужных дискуссий, но «королева» выбрала другой путь.

– Как это Вы не помните?

– Объясняю. У меня трое детей, все мальчики, родились друг за другом. Мы делали все, что нам рекомендовали. Сейчас, по прошествии лет, я не помню кому и что.

– Во сколько месяцев ребенок начал сидеть? – интересно, она принципиально не называет сына по имени?

– Как положено.

– Сколько ему было, когда он пошел?

– Около года, – столь пространный ответ заставил эскулапа от медицины, наконец, оторвать взгляд от созерцания собственного идеального маникюра и поднять глаза на Любу.

– Когда он сказал первое слово?

– В полтора-два года, когда они начинают обычно говорить? – Любе уже стало смешно. Она на себе испытала нагрузку, при которой человек занят по уши ежесекундно, включая ночи. Поэтому знала, что в памяти остается только то, что выбивается из нормы. И теперь, пытаясь вспомнить, кто сгрыз пульт от телевизора она сначала восстанавливала в памяти, в какой квартире стоял этот телевизор и из этого делала вывод, следы чьих молочных зубов остались на пульте. Потому что старший сын подрастал в одном районе города, а перед рождением среднего они перебрались в другой.

– Когда он первый раз сказал предложение из трех слов?

– Вовремя.

– Мапочка, Вы хоть что-нибудь знаете про своего ребенка?

– Все, что нужно.

– Когда он начал говорить сложные предложения? Или еще не говорит?

«Господи, за что мне это?» – вопрошал Умник.

«Давай взорвем ей мозг!», – начал заводиться Веселый.

– Говорит. Начал поздно, года в четыре. Поэтому мы ходим в логопедический сад. И нам просто нужна справка для комиссии.

– На учете у какого-нибудь специалиста состоите?

– Нет.

– А как же, вот запись невропатолога в карте, а говорите, не состоите! – О силы небесные! Она открыла карту!

«...и нашла то, что ей нужно», – Веселый был неутомим.

– Понимаете ли, – Любе стало не смешно, она начинала злиться, – это запись невропатолога с очередной диспансеризации. Такие же записи там есть от хирурга, окулиста, стоматолога и других специалистов. И это совсем не значит, что мы у всех них стоим на учете!

«Давай, Любка, порви ее нервную систему!»

– Мамоchка, – ну что за дурная привычка всех врачей страны так называть мам! Вот же, в карте, на первой странице написаны и имя, и отчество, если не жалко, – вы не следите за своим ребенком!

– У меня, на секундочку, он не один. Все, что нужно и должно я своим детям даю.

– Нечего было столько рожать, если Вы не можете вспомнить, когда ребенок заговорил.

«Твою ж мать!» – это Люба сказала уже про себя.

– Мальчик, подойди сюда! – без тени заинтересованности и ласки подозвала она сына, ты считать умеешь?

– Цыфалки? – Любин сын хитро улыбнулся.

– Ну да, считать. До пяти сможешь?

– Лаз, два, тли, четыле, пять...

– А дальше?

– Сесть, семь, восемь, девять, 10,11,12,13,14...

– Хватит-хватит, я поняла. А от десяти обратно сможешь?

Любе тоже стало интересно, сможет ли.

– 10,9,8,7,6,5,4,3,2,1, – выдал сын, с недоумением глядя на врача.

Люба подмигнула ему и подняла вверх большой палец правой руки. Вся проблема логопедии, как подсказал Любе Мозг, была из-за того, что в самом раннем детстве, когда этот кроха еще лежал на столе, а потом под него же ползал, она с ним не разговаривала. Сказать, что Люба винила себя в этом, нельзя. Фил вполне доступно объяснил, что пятый год разговаривать с тем, кто тебе не может ответить затруднительно даже самому морально стойкому человеку. Поэтому Люба наладила с сыном невербальный контакт. Им достаточно было посмотреть друг на друга, чтобы уловить настроение, понять нужду, пошутить и вместе весело рассмеяться. Это был и огромный плюс, а так же огромный минус. Потому что в итоге, кроме Любы сына никто не понимал. Проблему эту поймали достаточно быстро, в три года и стали целенаправленно ей заниматься. Сын заговорил гораздо лучше, а контакт с матерью остался.

– А вот эту пирамидку собрать сможешь? – врач рассыпала с десяток колечек по столу.

– Смогу, – сказал сын и ни разу не ошибившись, насадил их обратно на стержень.

«Любк, ты ей скажи, что он вчера старшего брата в шашки обыграл», – Веселый мечтал довести королевичшу до белого колена.

«Ага. А что он в шахматы играет не сказать?» – Мозг же хотел слинять из этого заведения как можно быстрее.

Задав еще несколько вопросов, которые, по-видимому, должны были ей дать полную картину адекватности, интеллекта и познаний ребенка, врач, наконец, написала ту самую справку, за которой они пришли.

– Может мы правда, мало занимаемся ребенком? – Мозг крепко задумался.

– Умник, иди в пень. Ты что, эту дуру слушать будешь? – Философ был зол на брата за такую слабость.

– А почему я тогда не помню, когда он заговорил и пополз?

– Умничка, не переживай ты так, – Люба на ходу накинула куртку и вышла с братьями на воздух, – если следовать логике этой мадам, то ты должен помнить когда он пополз, пошел, заагукал, запукал и еще кучу всего. Но ведь ее не интересует, помнишь ли ты, какие предметы нужно подтянуть старшему сыну к концу триместра, когда у него поход к ортодонту, кто сегодня идет на каратэ, кому нужно купить чешки, а кому подтяжки. Прошлое прошло, живем настоящим. К тому же у нас настолько богатый фотоальбом с датами и комментариями, что если кому нужно, легко узнает кто, когда и куда.

– Ну, да. А чего ты на меня наезжаешь, Фил? Тебе не нужно каждый раз переваривать информацию, когда ходишь по таким заведениям! А потом еще подписывать согласия на прививки, осмотры и другую хрень, которые пачками ложатся на твой стол, а ты в этом по определению ноль!

– А я тебе для чего еще несколько лет назад объяснял весь смысл этой системы и отношение, которое ты должен выработать в себе?

Редкий случай, когда братья ругались. Но Любу это ничуть не смущало. Она весело бежала с сыном на мигающий зеленый светофор, чтобы успеть сесть в троллейбус. Пока они доедут до дома все страсти улягутся, и в семье вновь наступит мир.

– Ты помнишь, как я Любке объяснял, почему не надо нервничать, если ребенок не пошел в год? – отдышавшись, Фил уселся рядом с братом и троллейбус поехал.

– Помню. Ты сказал, что ловко бегая на четвереньках, ребенок чувствует себя в безопасности, потому что земля близко.

– Да. Как известно, чуть что, все прижимаются к земле. И ребенок это чувствует. И пока сохраняется контакт с тем миром, он не понимает, зачем ему вставать, если так безопаснее, удобнее и не нужно напрягаться. Это потом начинается – хочу как мама, хочу как папа – стоять, ходить и так далее.

– А помнишь, Умник, как педиатр наша сказала, когда средний совсем мелким был? Если ест, какает и улыбается, значит все в порядке, – Люба хоть много и не помнила, но основные истины сидели в ее сознании крепко.

– Все так, Люб, но эта психичка не первая, кто говорит, что мы мало им занимаемся, – Мозг кивнул в сторону сына. – Мамочка наша, опять же.

– Знаешь, если бы я слушала всех или хотя бы половину из тех, кто мне что-нибудь говорит, то сейчас бы я была бездетная несчастная злобная карьеристка, не понимающая как, зачем и каким образом жить дальше. Конечно, я не спорю, иногда я забиваю на детей. Но это как бы видимая сторона вопроса.

– Как это?

– Если я не занимаюсь ребенком, это не значит, что я про него забыла. Это значит, что я позволяю ему развиваться вольно, по его потребностям и умениям.

Как-то, кстати не очень давно, Люба с Философом сидели на кухне и пили чай. Дети игрались в своей комнате. И тут старший сын позвал младшего играть в шашки. Люба удивилась. Со старшим она сама иногда играла, со средним не бралась – тот был невнимательным, и играть было не интересно. А младшего тем более в расчет не брала. Судя по шороху расставляемых шашек, дети действительно сели играть. Через несколько минут, когда партия закончилась, Люба позвала старшего сына и спросила: «Разве мелкий играет в шашки?», «Да, – ответил он, – классно играет!»

– Вот так-то, Люб, учить ребенка хорошо, а вот погрузить в среду, где и учиться не придется, потому что само собой все происходит – гораздо лучше, – изрек Фил.

И тут Люба поняла, что, по сути, она и не знает, что умеют ее дети. Особенно младший. Он живет в среде двух старших братьев, которые машут ногами и руками, отрабатывая приемы каратэ, желают друг другу *Bon appétit*, потому что вместе учат французский и играют

в шахматы, потому что, вся семья уже играет. После этого Любана не особо переживала, когда всевозможные доброжелатели говорили всякие глупости о необходимом воспитании, обязательном посещении психолога, невропатолога и других специалистов, в данном случае очень спорного профиля.

– Единственное, в чем есть целенаправленное воспитание детей – это приучение их к труду.

– Люб, у тебя коммунизм какой-то получается, – заметил Умник.

– Не знаю, коммунизм ли или еще что-то, но человек должен иметь навык трудиться. Вон, на Илюху посмотри, красавец же!

– Да, мы с пацанами уже освоили чистку снега на большой площади. Что, как ты понимаешь, требует умения взаимодействовать. Старшие всю колют дрова, младший тоже уже держит топор в руках. А какие они бревна из леса таскали, видел? – Илюша был удивлен, сколько сил у детей.

– А мелкий как отжимается! – Люба приходила в полный восторг, когда ее младший сын отжимался. Особенно если он делал это без футболки. Потрясающая техника, которая ни одному члену семьи не снилась и бесконечное количество раз. Ну, или не бесконечное. Однако никто не видел, что б он упал. Его просто на пятом десятке останавливали, потому что уже лень было считать.

– Видишь, Умник, дети сильные, здоровые, в шашки-шахматы играют. А ты все страдаешь, что не помнишь какой-то ерунды. А вчера за ужином средний сын доказывал старшему, что его жизнь – его. Куда он ее направит, такая она и будет. Слышал?

– Ага, семилетний ребенок, однако.

– Философа школа, – улыбнулась Люба, – со здоровьем вот повозиться много пришлось.

– О, да! Этот ужас стояния в очередях в аптеку и закупку лекарств на сотни рублей я никогда не забуду. Что там было? Антибиотики, жаропонижающие, иммунитет повышающие, кишечник укрепляющие. Кошмар! У одного аденоиды и он с открытым ртом и тупым выражением лица вечно ходил, у другого ложный круп, он задыхается, и ты, Любка, беременная.

– Помнишь, ты спрашивал о своем развитии после появления детей? Мы с Филом долго ломали голову как правильно подойти к их здоровью, потому что понимали, что происходящее не есть правильно.

– Это вам не Калифорния, где больное горло лечат рассасыванием кубика льда, – подтвердил Философ. – В нашей стране убьют быстрее, чем успеешь вырасти.

– Конечно, все резко изменилось, когда дети зимой стали выезжать на дачу по выходным. Я помню, выгоняла их на улицу, закрывала дверь на замок и говорила, чтобы приходили через два часа.

– А не жестоко, Люб? – Илюша был добродушным парнем, и, была б его воля, носил бы деток на руках до армии.

– Не жестоко, – ответил за Любу Мозг, – им, если пинка не дашь, каждые пять минут будут бегать и плакаться как у них ручки замерзли, как у них ножки замерзли. У тебя что, в детстве ничего не мерзло, когда мы часами по оврагам лазили? Зато когда выбора нет – и на санках, и на ледянках катаются, и крепости строят, и в снежки играют. У детей должно быть здоровое детство, спортивное. А не телевизионно-планшетно-компьютерное. Этой гадости они и потом переедят. Зато к вечеру – красота! Шашлычок на морозе сделать, хлебушек на костре пожарить, кружку горячего чая прямо на горке выпить! И перед сном мульты! Нет ни криков, ни споров, ни ругани. Все довольные и счастливые засыпают безмятежным сном.

– Да, Илюш, ты заметил, если еще пару лет назад они возмущались, то теперь их не заманишь домой. Сами уже фонарь на улице включают и после ужина идут в хоккей играть.

– Конечно заметил, я ж тоже с ними рублюсь периодически, – Илюха любил бывать на даче – там было полное раздолье. Хоть по лесным буреломам лазай, хоть на велосипедах с детьми кто быстрее гоняй, хоть в догонялки играй, хоть в хоккей.

– Да, но это еще не все. Окончательное понимание к нам ко всем пришло после того, как мы сделали старшему прививку АКДС, будь она неладна.

– Это удивительно, – заговорил Философ, – накануне мы смотрели какой-то репортаж, где после такой прививки заболел какой-то ребенок коклюшем. Там еще все симптомы подробно описывались и показывали, как бедная мама плакала от безысходности и ужаса, а врачи были холодны, как лед к ее страданиям.

– Так часто с нами бывает, Фил, Господь предупреждает, – Люба вздохнула. – А через три дня старший заболел треклятым коклюшем.

– Да уж, поволновались сильнее, чем с ложным крупом, – Умнику не так давно удалось отойти от переживаний. Ведь выбор стоял остро: либо вызывать скорую и отдавать ребенка на откуп врачам или не вызывать и брать всю ответственность на себя, понимая, если что – вина целиком и полностью на тебе.

– Я выбрала второе. Но это был кошмар. Когда среди ночи малыш начинает кашлять со спазмами, с рвотой. Когда лицо синеет и опухает, а белки глаз становятся красными от лопнувших сосудов. Лицо меняется настолько, что ты перестаешь узнавать своего ребенка. Он не спит, ты не спишь. Самой страшно, а его нужно успокоить.

– Ну, слава Богу, вылечили, – Фил обнял сестру.

– Помнишь, Ум, как мы в поликлинику с ним пришли и нам сказали, что это простое ОРВИ?

– Да, я им тогда доказывал, что это самый настоящий коклюш со всеми типичными признаками, но нам поставили диагноз ОРВИ и выгнали от греха подальше. Я тогда был сильно зол на всю систему и наехал на ни в чем не повинную медсестру в садике, а она мне взяла и все объяснила. Оказывается, в поликлинике есть план по болезням, который превысить никак нельзя, поэтому они и не ставят коклюш. Поэтому же при критической массе носителей туберкулеза в городе, у нас по документам все нормально. Статистика.

– Вот тут-то у меня все пазлы сошлись.

– Устроила ты мне тогда мозговой штурм!

– Да, тогда отчетливо стало понятно, что единственный человек, кому нужен твой ребенок – это ты. Я сейчас не беру в расчет пап, бабушек, тетю и других родственников, потому что конкретно у меня в семье за здоровье отвечаю я. Никому, ни-ко-му твой ребенок не нужен. Ни его здоровьем, ни его благополучием, ничем, что касается твоего ребенка, не озадачен ни один человек на свете. И государство, а с ним вся система здравоохранения не заинтересована в том, чтобы ребенок был здоров. Иначе все рухнет. Не на ком будет испытывать новые «вакцины», некому будет продавать лекарства, незачем будет держать такое количество врачей. Экономика встанет. С образованием, кстати, то же. Я захожу в школу, где семь третьих классов и шесть первых плюс вторые и четвертые и вижу биомассу находящуюся в абсолютно броуновском движении. Не вижу ни одной личности, ни одного горящего взгляда, только тоска и мечта о планшете. А в загоне около охраны стоит подобная, только выше ростом биомасса, свято верящая каждому слову учителя, готовая принести в жертву собственное чадо, лишь бы быть обласканным и послушным. А этот учитель записки в дневнике пишет с ошибками. И если ты не с ними, ты против них. Ты не в системе, не под контролем.

– С тех пор никаких прививок. Простая, полезная пища. Лук, чеснок, имбирь с детства. Спорт, силовые нагрузки, здоровый сон. Шашки, шахматы, пазлы, лото, домино. Конфеты по праздникам, мультики по выходным. Планшеты, компьютеры, приставки под запретом.

– И пусть говорят, что я злая. Пусть говорят, что детей эксплуатировать нельзя. Плевать. Иногда кажется, что государство должно что-то давать детям, мальчикам, ведь потом оно заберет их в армию или, не дай Бог, на войну. Нам не надо, только бы не трогали.

– Убью любого, кто встанет у нас на пути, – Илья очень любил мальчишек, – а в армию они пойдут, потому что это тоже развитие и опыт. И на войну, если нужно, пойдут. Потому что кроме государства есть Родина. Я прав, Люб?

– Прав, Илюш, прав. Не всем это, правда, нравится.

– Ну и Бог с ними, со всеми.

– Ребят, заговорились, выходим!

Все выскочили из троллейбуса.

– Ну чего вы не дали мне поприкалываться над психичкой? – Перейдя дорогу, обиженно поджал губы Веселый.

– Весел, не место это для твоей буйной радости. Ювенальной юстиции у нас хоть официально нет, но дух ее витает. И каждый врач, воспитатель или учитель наверняка подписывал контракт на работу, где есть пункт об обязательном информировании соответствующих органов о неподобающем поведении родителей. И кто потом будет доказывать, что ты просто хотел посмеяться?

Все замолчали, погруженные каждый в свои мысли. До дома оставалось несколько сот метров пешим ходом. Мир был восстановлен, осадок остался.

– Любань, а что ж мне им всем говорить, когда я слышу эти дурацкие высказывания типа «нечего было рожать» или «в такое тяжелое время и рожают», того хуже «аборт надо было сделать». Ты представляешь, Илюх, не было б у нас мелкого! Глянь, красавчик какой!

– Да не дай Бог!

– Есть замечательная притча, Ум. Пришла как-то мама пятерых детей к сельскому священнику за благословением на аборт. Говорит: «Батюшка, благословите! Не сдюжим мы еще одного ребенка поднять. И так пятеро по лавкам. Еще один рот не прокормим!» А батюшка ей отвечает: «Тогда убей старшую дочку. Сколько ей, 15? Ну вот, пожила, да и ест уже много. А этого оставь. Что ж невинное дитя и света белого не увидит?» И ушла женщина, и долго каялась в своих злых намерениях. У нас-то младший прямо в разгар очередного экономического кризиса появился. Только вот кризисы приходят и уходят, а дети остаются. Кстати, я на себе ощутила поговорку «Бог дает детей, дает и на детей». Когда старший родился, вместе с ним появились деньги, и мы купили землю; когда родился средний, мы переехали с окраины ближе к центру, увеличив жилплощадь. Но этих-то мы планировали. А вот когда нежданчик мелкий родился, мы построили дом и теперь там полное раздолье и им, и нам. Так что, в общем-то, детям спасибо сказать надо. Благодаря им мы живем и развиваемся.

– Это я все знаю, это когда поговорить можно. А если такая тетка типа сегодняшней будет?

– Тогда, Мозг, говори: «Завидуйте молча!», – засмеялся Веселый, – коротко и ясно!

Февраль 2015

– Какой интересный человек! – воскликнул Умник после того, как гости уехали.

– Да скучный он, Мозг, – возразил Веселый.

Довольно редкий случай, когда к Любе заглянули гости. Это была семья, состоящая из мамы, папы и дочери. Любины сыновья с удовольствием уделяли время одиннадцатилетней Саше, а взрослые с увлечением разговаривали, обсуждая весь спектр тем, которые могли у них возникнуть. Сашин папа, Виктор, был родом из Новосибирска. Долгое время вместе с семьей жил на Украине, потом, ввиду событий там, был вынужден переехать в Подмоскovie. Он имел высшее образование, знал несколько иностранных языков и долгое время работал за границей. Его жена, Таня, занималась рукоделием и эти изделия, по словам самой Тани, были востребованы и неплохо продавались на выставках. Каким образом судьба свела этих двух людей неизвестно, но более неоднозначной пары Люба среди своих знакомых припомнить не смогла.

Пока подходил уголь для шашлыков, Люба с Виктором, стоя на морозе и обняв руками чашки с горячим чаем с увлечением обсуждали множество тем, близких им обоим. Начался разговор с безобразнейшего образования современных школ Москвы и Подмоскovie, которые, кстати, считались лучшими и числились в ТОПе. О полном сложении школой ответственности за воспитание детей, что, по мнению Любы, и привело к разгулу преступности среди старшеклассников по отношению к учителям. Продолжили темой нравственности, обсуждением интересных книг, а закончили религией.

– Почему скучный, Весел, мы ж не смеяться собрались. Вполне себе человек. Не так уж часто встречаются интересные собеседники, – попытался возразить Умник.

– На самом деле, Ум, – вмешалась Люба в разговор, – все хорошо – мы пообщались, и он с семьей уехал. А представь этого человека в каком-то более-менее длительном контакте. На третий день ты будешь знать все, о чем он думает, как рассуждает и почему его жена называет трусом.

– Да ладно тебе, на третий! Это ж глубокий, неординарный человек!

– Ум, ну не на третий день, через неделю, через месяц. А потом что? Ты выпьешь его до дна, и что останется? Я допускаю, что он к пятидесяти годам накопил большой опыт проб и ошибок, о которых, как ты понимаешь, никто тебе не расскажет. Хотя возможно, это самое интересное в человеке – его путь преодоления. Он же слишком взрослый какой-то – серьезный такой и вместо улыбки лишь ее тень.

– Любка, это ты девица молодая, а в его возрасте может уже и не до веселья.

– Возраст – это измерение тела, Умничка. Душа не имеет этого измерения. Я встречала древнейших бабушек с чувством юмора и огнем в глазах, что многим молодым не снилось. И это при том, что их жизненные невзгоды не ограничивались переездами с места на место. Так что, при всех его достоинствах, он мне кажется слишком однообразным и скучным.

– Люб, а тебе какие люди интересны? Так, вот чтоб прямо зацепило?

– Живые люди, Умничка, во всех смыслах этого слова. Живые – это большая редкость. Вот посмотри на наших соседей в городе. Это ж ходячие трупы. Их отлаженная жизнь им же кажется высочайшим достижением. Работа, ежедневная, с утра до вечера, приносящая доход, как раз такой, что бы через десять лет твоя машина наконец-то стала твоей. Муж, ребенок, свекровь. Отпуск по расписанию, дача по выходным. Все хорошо.

– А что ж в этом плохого? Ты и сама живешь по сходному расписанию. И на дачу по выходным едешь.

– А я и не говорила, что сильно от них отличаюсь. По большому счету мы все трупы. Но кто-то поймал в этом свой кайф, а кто-то отказывается принимать это.

– Так и чем отличаешься ты от той же соседки?

– Я как лягушка из той притчи, только тем и отличаюсь, что еще барахтаюсь, пытаюсь узнать что-то новое, постичь что-то неизведанное. И интересны мне те люди, у которых я могу чему-то научиться.

– Любань, но я же читаю книги, смотрю познавательные передачи, мы все это обсуждаем, спорим, соглашаемся друг с другом или нет, неужели рядовой человек может дать тебе больше знаний, чем Достоевский, Толстой или Гоголь?

– Да, Мозг, конечно! Любой человек может стать учителем! Случайно оброненное слово может повлиять или даже изменить твою жизнь. Главное – способность слышать. Однажды, я выходила из церкви и за воротами сидел попрошайка. Обычно я не подаю милостыню, зная, как устроено это выгодное коммерческое предприятие, и в этот раз прошла мимо. Шагов через десять развернулась, подошла, положила мелочь в его коробку. И что-то он тогда такое сказал буквально двумя-тремя словами, что все мои внутренние метания, с которыми я пришла в церковь в одно мгновение развеялись.

– Получается, что живость людей состоит в том, что бы слышать других? – Философ обдумывал полученную информацию.

– Что бы слышать, видеть, замечать. Себя, других, происходящее вокруг. Ведь даже самый маленький камень, брошенный в озеро, приводит в движение весь объем воды. Что уж говорить о сказанном человеком, или сделанном. А трупы ничего не слышат, не видят, не замечают. Они легли в могилу своего эго, их движения ограничены размером гроба, а радость бытия темнотой подземелья.

– То есть это люди, которые не могут выйти за пределы своего кокона?

– Это люди, которые не хотят оттуда выйти. Потому что так они чувствуют себя, как ни парадоксально, значимыми. Им кажется, что дожив до определенного возраста, устроившись на работу, сев за руль, родив детей, они все в жизни прошли, все видели и все знают. И ни один из них, искренне, никогда не скажет: «Какой же я придурок!». Живой человек уже годам к двадцати-двадцати пяти понимает, что он придурок, а к тридцати-тридцати пяти понимает, что навсегда им останется. Еще несколько лет уходит на осознание радости от такого положения дел и наконец-то наступает гармония.

– Но почему придурок-то?! – Мозг как всегда отказывался принимать такие условия игры.

– Умничка, ничего личного, – Люба засмеялась, – мир настолько богат и многогранен, что ни один нобелевский лауреат, известный философ или ученый, а так же все они вместе взятые не постигнут и половины вселенского знания, не поймут и малой части Божественного замысла.

– Зато какая радость идти по пути познания! – Философ уже прошел свои стадии взросления.

– Вот именно, информационное поле открыто всем. Жаль, что желающих постигать истину мало, критически мало. Даже самые близкие люди зачастую окутаны своим эго так, что родные становятся чужими.

– Любань, а как ты думаешь, люди, когда встречаются – это для чего-то, это предопределено? – Мозгу давно не давал покоя этот вопрос, но никак не получалось сформулировать на него ответ. Где-то, казалось, встреча ничего не значащая превращалась во что-то основательное, а когда-то люди, с которыми живешь долгие годы, как будто растворяются в пространстве и исчезают бесследно.

– Как объяснял Эдгар Кейси, все ближнее окружение в тех или иных жизнях люди родные. Когда-то их называют братьями и сестрами, когда-то женами и мужьями, когда-то лучшими друзьями, детьми, любимыми. Но люди эти всегда родственные, – Фил не мог упустить возможности озвучить свои познания по этому вопросу.

– То есть, ты хочешь сказать, что твой сын в прошлой жизни, возможно, был твоим отцом?

– Это не я, Это Кейси. Но я с ним согласен.

– Так и что, Фил, люди, которые не есть часть твоей семьи, но пересекают твой путь тоже не случайные?

– Думаю, не случайные.

– И все-все проходили в прошлых жизнях? – Мозг пытался разложить информацию по полочкам.

– А вот тут подробностей нет. Пойдем, пройдемся. Люб, идешь с нами?

– Да, сейчас, фотик захвачу.

Люба, Фил и Умник вышли на поселковую дорогу. Слева от них возвышался красивый зимний лес, ставший непроходимым из-за большого количества снега, выпавшего за месяц. Справа взору представляли старые дачи с резными наличниками и занесенными воротами. Зимой в поселке жили всего в двух домах, поэтому прогулке не мешали ни случайные машины, ни приветственные окрики соседей. Люба с удовольствием фотографировала нависшие под тяжестью снега лапы старых елей и ветки орешника, случайно попавшую в кадр белку и вьющуюся белой лентой дорогу шириной не более двух метров и отбортованную высокими сугробами. Тишина зимнего леса была восхитительна.

– Теория такова, что мы приходим в эту жизнь с уже определенным набором близких людей для того, что бы с ними преодолеть какие-то трудности, разобраться, стать терпимее, добрее и так далее. Я вам как-нибудь расскажу, как сам Кейси описывал это. По мне, так иные встречи никакой логике и стройной теории не подчиняются.

– Почему?

– Не знаю, что я могу знать о Его замысле? Лишь только догадываться, – Люба остановилась, закрыла глаза и вдохнула полной грудью морозный воздух. – Шла я однажды из школы домой. День был солнечный и теплый. Дойдя до остановки и увидев большое количество людей на ней, решила не садиться в троллейбус, а пойти пешком. Настроение было хорошее, матушки дома не было, а значит, можно никуда не спешить. Вдруг, меня остановил мужчина. Он был довольно странной наружности, как будто не от мира сего. Заговорил со мной, что-то спросил, я пыталась объяснить, что спешу, но он, не останавливая разговор, потопал рядом. До дома было километра полтора, и он всю дорогу шел рядом, даже как-то чуть сзади и поддерживал разговор. Меня это сначала напрягло, потом стало интересно. Я подумала, что дойдя до дома, распрощаюсь с ним. Но... подойдя, он спросил: «Можно я к тебе зайду?»

– И что, ты егопустила?

– Как ни странно, да. Хотя почему странно? Я была, да и остаюсь очень открытым человеком.

– Но разве ты не знала, чем может закончиться такая открытость? Сколько тебе тогда лет было?

– Думаю, лет 13—14, может 15. Самое интересное, что знала. Но моя неистребимая вера в людей не позволяла закрыться и я егопустила.

– И что вы там делали?

– Да ничего, он зашел, немного осмотрелся и спросил где туалет. Надо сказать, дверь в наш миниатюрный туалет открывалась почему-то внутрь. Это было неудобно, поэтому ее держали всегда открытой. К тому же в квартире жили только я и мама. И тут он меня позвал.

– Куда, в туалет?

– Ага, представляешь, ужас какой! – Люба задумалась, вспоминая подробности. – Позвал, я подошла, дверь в туалет открыта, он стоит внутри этого тесного помещения, одетый как был, и говорит: «Зайди сюда». Я зашла. Он схватил меня за запястья, притянул к себе и хрипло так: «Вырывайся». Вот тут я испугалась. Дернула руки пару раз, но безуспешно. А он гово-

рит: «Смотри, когда тебя так держат, всегда выкручивай свои руки против большого пальца, поняла? Давай». Я сделала, как он сказал и легко освободилась. Испуганная, выскочила из туалета.

Мозг смотрел на Любу с открытым ртом и не мог поверить своим ушам.

– И... что? – осторожно поинтересовался он.

– Ничего. Он вышел, сказал: «Пока». Открыл входную дверь и ушел. Больше я его не видела.

– Слушай, Люб, ты вообще нормальная? – Умник был в шоке.

– Обойдемся без диагнозов, – засмеялась Люба.

– И что бы это все значило?

– Не знаю. Я до сих пор эту историю не могу до конца осознать.

– Да, Люб...

Казалось, в этот момент, тише места на Земле не было.

– Что, Фил, тебе думалось, что знаешь ответы на все вопросы? – через несколько минут нарушила молчание Люба. – А вот и нет.

– Да уж, с тобой, сестрица, не соскучишься.

– Была и другая история, не менее странная.

– Есть ли, дорогой мой брат, – Мозг положил руку на плечо Философу и исподволь взглянул на Любу, – в тебе силы услышать это?

– Даже не знаю, еще чуть-чуть и я сниму с себя все звания и лавры и уйду в монастырь постигать высшую мудрость. А вы уж тут сами как-нибудь, – Философ хоть и удивлялся иногда Любиным поступкам, но, в общем, хорошо понимал их природу, от того не сильно переживал, скорее делал вид.

– Не дрейфь, Фил, все истории с добрым финалом.

– Ну, давай, выкладывай.

– Хорошо. Примерно тогда же, может даже в тот же год, летом, я гуляла где-то в центре. Подходит ко мне мужчина. Если учесть, что мой возраст около 14 лет, то ему было уж точно за тридцатку, думается, что ближе к сорока. Познакомиться. Познакомились. Он из Николаева, приехал по делам. Живет в гостинице. Почему по центру областного города гуляет в домашних тапочках? Так удобнее, ноги устали.

– Люб, ты прям лакомый кусок для маньяков, – у Мозга уже начинали шевелиться волосы на голове.

– Может быть, Ум, а может лакмусовая бумажка.

– Что дальше?

– Для меня он интереса не представлял, так, прощлись сотню метров. Тип этот был вполне приличным, страха не вызывал, не приставал...

– Давай уже, к сути.

– Он попросил меня взять на хранение на три дня деньги.

– Деньги? Лю-ба! Ты в своем уме?!

– Мозг, ну хватит. Дело прошлое. Деньги. Принес на следующий день хорошую такую пачку денег, завернутую во что-то. Я их взяла, спрятала у себя в письменном столе, а через три дня вернула. Все.

– И сколько там было?

– Без понятия. Я обертку не вскрывала. Взяла, сохранила, отдала. Кстати, он был крайне благодарен, оставил телефон в Николаеве на случай, если буду проездом. До сих пор не удосужилась, телефон потеряла.

– Как ты думаешь, по твоей теории, тебе эта история какую-то пользу принесла?

– Нет. Думаю, нет. Что к людям, что к деньгам у меня, какое было отношение, такое и осталось – ровное, знакомилась я в том возрасте направо и налево, как и все в ранней юности.

Возможно, тому человеку что-то эта встреча дала. Как ему вообще пришло в голову доверить столько денег первому встреченному?

– Как любой может стать для нас учителем, так и мы не замечая этого, можем чему-то научить другого, – Фил повернулся к Любе и, подняв вверх указательный палец, продекламировал: «Поэтому важно сохранять внутреннюю целостность, дабы не стыдно потом было».

– А целостность тут при чем? – потерял нить разговора Умник.

– Это простая теория того самого брошенного камня. Каждое слово имеет смысл, каждое действие приводит в движение весь мир, каждая мысль, намерение – все имеет значение, а главное, непосредственно и довольно сильно влияет на твою жизнь и жизнь тебя окружающих. Поэтому так важно думать, говорить и делать, всегда помня о последствиях. Вспомни ту историю, когда меня побили. Ведь я вычислила зачинщицу только по тому, как изменились потоки воздуха. В буквальном смысле. Как преступник возвращается на место преступления, так и в той ситуации осознанно или нет, но ее поведение изменилось. Она стала ближе ко мне подходить, пристальней смотреть, в чем-то провоцировать. Глобально ничего не изменилось, но интенсивность движения воздуха и его наэлектризованность возросла.

– Пошли домой, что-то я замерз, – Мозг выглядел озадаченным. Теория, которую сейчас озвучила его сестра, не была новостью для него самого. Но вот способы ее применения на практике казались очень уж неоднозначными. Не было точности, на которой он строил свои вычисления. Как-то все слишком эфемерно. И никак не подтвердить правоту выводов, которые делала сестра.

– Ты чего, Умник, расстроился?

– Да не, Любань, просто как-то странно все это: движение воздуха, наэлектризованность... Пахнет легким бредом.

– Я с тобой согласна, непривычно и нелогично. Но иногда происходят такие вещи, которые трудно объяснить. Их даже рассказывать бывает неловко. Что душой кривить, некоторые рассказы других людей мне тоже кажутся неправдоподобными. Но я всегда оглядываюсь на свой опыт, и это многое ставит на свои места. Кстати, была еще одна необычная встреча, – Люба рассмеялась. – хотите расскажу?

– Я уже не знаю, Люб, хочу ли...

– Она ничего не объясняет, а только подтверждает мои странные теории. Тебе, Фил, понравится.

– Давай уж, добивай! – Философ с блаженной улыбкой на лице приготовился выслушать еще одно сумасшествие сестрицы.

– Так вот, было это на первом курсе института, стало быть, в Москве. Приехала я в район аэровокзала, там работал мой отец. Надо сказать, что здание находилось, да и сейчас находится в глубине, а между ним и Ленинградским проспектом огромная площадь – то ли стоянка, то ли сквер с большими аллеями. В то время людей в городе было не так много, как сейчас. В-общем, шла я одна. По близости никого не было. Вижу, на моем пути стоит группа цыганок.

– Дай угадаю, ты пошла прямо к ним!

– Ну да, мой нрав смел и ленив.

– Конечно, зачем обходить неприятности. Прём напролом!

– Ум, неприятностей на тот момент не было, а что будет впереди, никто не знает. Вот я и пошла. Подобралась так внутри, все же их человек восемь-десять было. Понятно, для чего они там стояли, но я по наивности лет считала, что гипнозу не поддаюсь, и вообще меня обвести вокруг пальца в принципе невозможно.

– Фил, заметь, девице семнадцать лет было, – усмехнулся Умник.

– Тем и замечательна юность.

– Ну и что, развели они тебя?

– Подхожу ближе, приготовилась отнекиваться и уходить, как вдруг они все расступаются, как будто ворота открылись и я спокойно, без единого слова прохожу между ними.

– Почему они тебя не остановили?

– А кто его знает... Тоже, видимо, почувствовали что-то. Движение воздуха, наэлектризованность, – усмехнулась Люба.

– Ну, с такими встречами все понятно, что ничего не понятно, – ребята подходили к дому, – а остальные, ты все-таки считаешь, предопределены?

– Уверена! Я никогда не поверю, что близкий человек мог мне не встретиться. Потому что тогда я была бы совершенно другой. Мы делаем друг друга. Сам по себе человек практически никто. Кто-то он только в окружении соплеменников. Каждым словом и действием мы ткем полотно характера, нрава, привычек, страхов друг друга. Именно поэтому я очень ревностно отношусь к тем, с кем общаюсь. Знаешь, бывает человек, который может одним своим существованием сделать твою жизнь значимой. И тогда хочется жить, творить, любить, создавать. Не для него, не из-за него, не ради него. А потому что он есть. Он живет и дышит. Тем же воздухом, что и ты. А бывает человек, который разрушает твою жизнь день за днем и ты готов отдать все, что имеешь, лишь бы закрыть отношения и забыть его как страшный сон. В первом случае – это живая вода для тебя, во втором – яд.

– Ну слава Богу! Вы где были? – Люба с братьями вернулись домой.

– Веселый, братец! Дай я тебя обниму! – Умник жеманно, как юная кокетка, бросился на шею к брату.

– Мозг, спокойно, ты чего? – Весел не понял мизансцену и попытался его отстранить.

– Эта женщина сведет меня с ума! – продолжал актерствовать Мозг.

– Любка, что ли? – засмеялся Веселый. – Не, не сведет, ей это не выгодно!

Март 2015

– Через Хотьково? – Люба привычно задала этот вопрос водителю автобуса и, приняв в ответ утвердительный кивок, вошла с детьми внутрь.

Старший сын нырнул на сиденье к окошку, младший сел на другой ряд и через пять минут автобус отъехал от станции. «Странно, – подумала Люба, – обычно это место выглядит по-другому». Но то ли утвердительный ответ водителя на счет маршрута, то ли утренняя сонливость не дали додумать эту мысль до конца...

...Поезд въехал в лес. Старые вагоны, словно древние деды с клюкой переваливались из стороны в сторону и с трудом пробирались по ржавым рельсам. Внутри поезд был обшит посеребрившими от времени с червоточинной досками, деревянные лавки были широкими и жесткими, но стояли свободно так, что пассажиры не мешали друг другу и даже могли свободно переходить от окна к окну, удивляясь и восхищаясь чудом открывшейся их взору картины. Лес был объемён и бесконечен. Невозможно было разглядеть неба над головой – столь высоки были деревья. Они стояли стражами, охраняя и защищая всякого путника от темных сил и невзгод природы. А тончайшие лучи света, пробивающиеся сквозь листву, делали его сказочным и манящим. Любе на секунду показалось, что такое волшебное место не может быть предназначено для обычных людей. Однако поезд уверенно подходил к станции. Дотянув до конца вокзала он, вздрогнув, вдруг выдохнул и затих. Стоянку обещали в двадцать минут и двери вагона распахнулись, как будто сам лес как радушный хозяин встречал своих гостей. Не веря своим глазам, но ощущая небывалый прилив жизненных сил, Люба направилась к выходу. Ее гнало вперед любопытство, смешанное с жадой познания и проникновения в тайну прекрасного.

Таких мест она не видела даже в собственном воображении. Выйдя из вагона, Люба нырнула в здание вокзала. Довольно высокий сруб, сложенный из массивных бревен возрастом в несколько сот лет был просторным и безлюдным. Осматриваясь, Люба увидела в большом окне на противоположной стене невероятную картину: два бурых медведя, ловко передвигаясь на задних лапах, играли в игру, напоминающую волейбол. Один из них был чистого коричневого цвета, у другого же на груди красовалась белая манишка. Впечатленная, но отнюдь не испуганная, Люба направилась к выходу из здания, не смея даже представить, к каким открытиям ей стоит быть готовой.

Не успела она отойти нескольких шагов от вокзала и вдохнуть всей грудью манящий аромат свежести и цветов, как вдруг увидела, что буквально ей в лоб летит... ёж. Самый настоящий ёж! С крыльями! Замерев от удивления, Люба даже не подумала, чем может обернуться их столкновение. Однако, видимо заметив препятствие, чудо-ёж ловко набрал высоту и, обдав ее лицо потоком воздуха, пролетел буквально в сантиметрах над головой.

Придя в себя от неожиданности, Люба стала разглядывать небывалое, никогда ранее не виданное явление. Большие сильные деревья в этом лесу перемежались с необыкновенными цветами. Их названий она не знала, но некоторые были отдаленно похожи на знакомые ей орхидеи, бромелиевые и плющи. Тропический лес. Наверное, он именно такой. Но откуда тогда здесь медведи? И почему совсем не жарко, а влажность ровно такая, что бы человеку было очень комфортно? Откуда он вообще взялся на пути из Москвы в Сергиев Посад? «Какая разница?! – оборвала собственные размышления Люба. – Здесь чудесно, а главное совершенно безопасно!» Это она почувствовала сразу.

Молодой олень, вдруг появившийся из чащи и совершенно не испугавшийся людей, которые вслед за Любой стали потихоньку выходить из поезда, степенно прошел по поляне перед вокзалом и как будто бы даже поздоровался с ними легким кивком своей красивой головы.

Немного оглядевшись, Люба заметила, что земля усыпана орехами и прямо под ногами растут ягоды. Она наклонилась и сорвала первую же. Это оказалась крупная сладкая земляника. Собрав пригоршню различных орехов, она с сожалением услышала, что пора возвращаться на свои места, так как поезд отправляется дальше через две минуты.

Наполненная восторгом, Люба села рядом с младшим сыном и в окно увидела, как служащий вокзала – молодой русоволосый парень лет двадцати пяти, что-то проверив и закрыв двери вагона, дал команду на отправление. Медленно набирая ход, поезд повернул за угол вокзала и вдруг встал как вкопанный. Пассажиры высыпали наружу, дабы узнать что стало причиной остановки и оказалось, что после развилки одна линия рельсов, проходящая ближе к зданию вокзала была завалена старыми металлическими вагонами смутно-синего цвета, а вторая... Вторая начиналась и тут же обрывалась, как бы уходя в землю, под плотный слой мха, который устилал всю поверхность земли в этом необыкновенном месте.

Решив, что при таких обстоятельствах поезд ну никак не сможет двигаться дальше, Люба направилась обратно на поляну, чтобы еще раз насладиться этим чудом и собрать побольше орехов и ягод в дорогу. Вернувшись, оказалось, что поезд исчез. Люба бросилась в здание вокзала и столкнулась с его хранителем – тем самым молодым человеком, что закрывал двери их вагона еще десять минут назад.

– А куда делся поезд? – задыхаясь от волнения, спросила Люба.

– Ушел, – спокойно, с улыбкой ответил юноша, – но если Вы захотите, сможете его догнать.

Люба бросилась бежать. В поезде были дети, и она не могла их оставить.

– Если до следующей станции не догоните, садитесь на любой другой поезд! – донеслись до Любы наставления хранителя.

– Хорошо! Спасибо!

Уже через пару сотен метров Люба нагнала поезд и запрыгнула в последний вагон. Она была довольна. За детей она не волновалась, потому что знала, что им ничего не угрожает. Но понимала, что на этом пути она должна быть рядом с ними...

...Звонок будильника бесцеремонно ворвался в ее сознание. Открыв один глаз, Люба глянула в окно – привычная серая убогость города начала марта. Надо было вставать и ехать на работу. А ведь еще минуту назад она была окутана волшебством. Это несправедливо!

– Мозг, ненавижу тебя! – Люба со скрипом сползала с кровати.

– Что, Люб, опять он полночи о чем-то думал? – Философ знал вечную проблему Любы с засыпанием и сочувствовал ей.

– О ком-то, – вздохнула Люба и пошла в ванную.

Этот «кто-то» был из тех людей, встреча с которым происходит, на первый взгляд, совершенно случайно, но становится судьбоносной. Они были знакомы давно, жизнь каждого шла совершенно автономно друг от друга, но редкие встречи всегда приносили Любе чувство наполненности. Ощущение, что она не одинока и ее «странный» мир вовсе не странный. И что быть глубоким и чувственным не опасно. С ним – не опасно.

– Люб, разве тебе не понравилось? – Мозг с интересом наблюдал за сестрой, когда та заваривала чашку ароматного кофе, тонко нарезала любимый сыр и, наконец, сменила гнев на милость.

– Очень понравилось, очень. Только это слишком жестоко вырывать меня из сказки и кидать в хмурость бытия так сразу. То ли дело, когда я летала...

Однажды Любе приснился сон. Она летела. Летела, как летал Копперфильд. Вперед головой, ноги сзади внизу... руки? Руки могли быть где угодно – хоть как крылья у птицы, хоть у груди, придерживая телефон – это не имело значения. Когда Люба, наконец, смогла немного отойти от волшебства самого момента полета и насытиться свободным парением, ее начали занимать вопросы технического плана: как она смогла взлететь и как ей приземлиться? Тут же,

Люба начала планировать вниз, тело само собой приняло нужное положение для погашения инерции и перехода в идущий режим. Только Люба поняла, как приземляться, она начала снова набирать высоту. «То есть, – думала Люба, – лететь и идти по сути одно и то же действие. Мы ж не заморачиваемся, как ноги побегут, остановятся, обогнут препятствие или перепрыгнут лужу. Мозг отдал команду, ноги сделали. И нет в этом ничего сверхъестественного. Так и с полетом – мозг дает команду на взлет – взлетаешь, на приземление – приземляешься». Теперь Люба могла без помех и опасений рассмотреть окрестности. Высоко ей забираться совершенно не хотелось. Там было холодно, плохо видно и на удовольствие от самого процесса не влияло. Внизу была красивая асфальтированная дорога, бегущая среди леса. Лететь удобнее было над ней. Полет был прекрасен – совершенная безопасность, абсолютная свобода. Чем-то напоминало купание с возможностью кувыркаться в воде в любом направлении. Но в плюс здесь была скорость, которую Любе удавалось развивать, катаясь на роликах. Свежий ветер летнего утра, легкость, скорость, свобода. Когда пришло время просыпаться, за окном была именно такая погода, как и во сне. И это было не жестоко. А теперь жестоко.

– Люб, ну прости, я только хотел тебя порадовать, – сконфуженно изрек Умник.

– Я понимаю, Ум, теперь расскажешь, что все это значило? Сказочный лес, медведи, еж этот с крыльями. И вдогонку ко всему ушедший от меня поезд.

– Люб, открой сонник и посмотри, – донесся из гостиной голос Философа.

– Нет уж, Фил, если идти твоим путем, то раз в месяц мне снится сон, предвещающий тяжелую болезнь или смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.